

Глава 42. Баоюй подвергается побоям, а Чжу и Сююй тревожатся

Когда Цзя Чжэн в ярости наказывал Баоюя во внешнем кабинете, Цзя Чжу, находившийся у себя в покоях, прослышал об этой буре и поспешил отцу наперерез. Ворвавшись в кабинет, он увидел распластанного на полу Баоюя: тот сжался в комок, обхватив голову руками, и безудержно рыдал, задыхаясь от слёз.

Не медля ни мгновения, Чжу заслонил брата собой.

— Отец, умоляю вас, остыньте! К чему так гневаться? Вы же только здоровье своё сгубите!

При виде старшего сына Цзя Чжэн распалился ещё сильнее. Вспомнив, что Чжу никогда в жизни не доводил его до иступления, он в сердцах притопнул ногой:

— Погляди на себя! Ты ведь тоже с малых лет засел за книги, но никогда не заставлял меня беспокоиться ни на воробьиный скок! А теперь и экзамены сдал, и учёную степень получил — у меня за тебя душа спокойна. Но этот негодник... Рождён от той же матери, родной твой брат! Обладай Баоюй хотя бы половиной твоего благоразумия, разве дошёл бы я до такой ярости?!

С этими словами Цзя Чжэн вновь замахнулся бамбуковой метёлкой, но Чжу крепко перехватил его руку. Тогда разгневанный отец ткнул пальцем в сжавшегося мальчика:

— И за какие грехи мне достался этот выродок? Видеть не могу его трусость и ничтожество! Забить его мало!

— Помилуйте, отец! — взмолился Чжу. — Вы сами сказали, что я его старший брат. Но ведь Баоюй ещё совсем дитя, а детям свойственно резвиться. Подрастёт — сам всё поймёт, к чему же сразу хвататься за розги? Кто из нас не бывал глупым и невежественным в нежном возрасте? Не мила ему наука — так наставляйте его терпеливо, постепенно. Зачем же устраивать побоище? К тому же у нас сейчас гостят родственники. Проведают, что хозяин дома в ярости искалечил собственного сына, — какая слава пойдёт в свете? Да и если старая госпожа узнает, без упрёков не обойдётся...

Договорить он не успел. В галерее послышался прерывистый, задыхающийся от гнева голос матушки Цзя. Мгновение спустя старая предводительница рода, поддерживаемая толпой служанок, ворвалась в кабинет:

— Средь бела дня! За что ты его калечишь?!

Цзя Чжэн и его старший сын поспешили к ней и бережно подхватили под руки с обеих сторон.

— Матушка, зачем же вы сами изволили прийти? — заискивающе пробормотал Цзя Чжэн.

Следом за матушкой Цзя вбежала госпожа Ван. Увидев израненного, распростёртого на полу Баоюя, она с горьким плачем упала перед ним на колени, прижала к груди и запричитала:

— Сын мой! Несчастное моё дитя!..

Видя, что мать способна лишь проливать слёзы, Чжу поспешно крикнул служанкам у дверей, чтобы те немедленно принесли плетёное кресло и перенесли раненого Баоюя в покои старой госпожи.

Матушка Цзя взглянула на лицо Баоюя, покрытое багровыми и синими полосами, и задрожала от жалости и гнева:

— Как мне было усидеть на месте?! Только-только мальчик вернулся от учителя, всё ведь шло ладно! За что же ты его едва до смерти не забил?!

Цзя Чжэн заставил себя подобострастно улыбнуться:

— Матушка, этот негодник совсем отбился от рук. Я ведь лишь желаю, чтобы из него вырос достойный человек, вот сгоряча и проучил его слегка...

— Отбился от рук? — с горькой усмешкой перебила его старуха. — Он ещё совсем дитя, откуда тебе знать, какой из него выйдет толк? Если ты забьёшь его до полусмерти и покалечишь, то и из способного отрока сделаешь калеку!

— Матушка совершенно права, — вздохнул Цзя Чжэн. — Но посмотрите на Чжу-эра. Он старший брат Баоюя, однако в его годы уже прилежно постигал науки и с блеском выдержал все экзамены. Баоюй же ни в чём на него не походит! Я лишь хотел слегка приструнить его, зачем же было так беспокоиться...

Поняв, что сын упрекает её в излишнем вмешательстве, матушка Цзя вскипела ещё пуще:

— Да как у тебя язык поворачивается?! Наказывать сына — твоё право, я в это не мешаюсь. Но раз ты твердишь, что Чжу-эр — старший брат, то подумал ли ты, каково ему смотреть на твои бесчинства? Не дрогнет ли его сердце? Чжу-эр действительно порадовал тебя, заслужил звание цзиньши. Но видел ли ты, сколько мук он претерпел ради этой учёбы? Славного мальчика превратил в сухую тень! А теперь ты и за Баоюя взялся? Знаешь ведь, что у меня, старой, только этот внук и остался, чтобы утешать меня на склоне лет. Но тебе не терпится отнять его! Видеть не можешь, как я радуюсь тихой старости в окружении детей!

От этих суровых слов лицо Цзя Чжэна залилось краской стыда. Он торопливо опустился на колени и взмолился:

— Матушка, пощадите! Как ваш непокорный сын посмеет нарушить ваш покой? Раз вы

желаете, чтобы Баоюй оставался при вас, я больше и пальцем его не трону, клянусь!

Лишь тогда матушка Цзя сменила гнев на милость.

— Если ты действительно так поступишь, то лучшего мне и не надо, — холодно обронила она. А затем повернулась к притихшему Чжу и ласково добавила: — Оставь своего отца здесь, пусть поразмыслит над своими поступками в одиночестве. А ты, Чжу-эр, пойдём со мной, проведем Баоюя.

Чжу послушно склонил голову и бережно повёл бабушку к выходу.

Сююй наблюдал за этой сценой издалека. Будучи в этом доме лишь гостем, хоть и близким родственником, он не мог открыто вмешаться в семейную ссору. Когда крики в кабинете утихли и Чжу ушёл вслед за старой госпожой, Сююй негромко последовал за ними, решив навестить пострадавшего. Поскольку и Чжу, и Сююй были ещё совсем юны, а сам молодой Линь давно стал в поместье Жунго своим человеком, служанки и няньки в покоях матушки Цзя не стали дичиться его и уступили дорогу.

Баоюя уже уложили в постель. Госпожа Ван спешно отправила слуг за лекарем, а сама вместе со служанками обступила ложе сына, омывая его слезами. Заметив вошедшего Чжу, она прижала его к себе и запричитала с новой силой:

— Чжу-эр, сокол мой, слава небу, хоть ты меня радуешь! Своим умом уберёгся от отцовского гнева! Но Баоюй ведь ещё совсем глупый ребёнок, за что твой отец так лютует? Разве он ему не родной сын?..

Цзя Чжу принялся терпеливо утешать мать. Заодно он ласково попросил Юаньчунь, Инчунь и Сяньюнь перестать лить слёзы.

Баоюй же, видя, что сёстры искренне сочувствуют ему и плачут от жалости, пришёл в совершеннейший восторг. Он превозмог боль, приподнялся на ложе и улыбнулся:

— Сёстры мои, не кручиньтесь! Мне совсем не больно. Раны пустяковые, стоит лишь смазать их мазью, и всё как рукой снимет.

Окружающие тут же уложили его обратно, а госпожа Ван заботливо подоткнула одеяло.

Видя, что брату ничто не угрожает, а забота сестёр и служанок подействует на него лучше любых снадобий, Чжу решил тихонько уйти. Повернувшись, он заметил Сююя. Тот стоял у стола в углу комнаты, с любопытством разглядывая расставленные там вещи: каменные ступки, пестики, лоскуты марли, костяные коробочки и баночки, наполненные какими-то

притирками. На полу рядом отстаивался ярко-алый сок сафлора.

— Что это за снадобья? — с недоумением спросил Сююй, указывая на утварь. — С виду похоже на румяна...

Сердце Чжу екнуло.

«Опять этот несносный мальчишка сам себе яму вырыл!»

Чжу рад был бы выгородить брата, да только не знал, как выкрутиться.

— Должно быть, служанки Баоюя забавляются, готовят притирки, — неуверенно произнёс он.

— Если притирки девичьи, то почему они разложены в его покоях? — резонно возразил Сююй.

— Ну... — Чжу замялся, не зная, что соврать.

В этот момент сидевшая у постели Сяньюнь обернулась. Услышав их разговор, прямодушная девочка звонко выпалила, слегка шепелявя на детском ходу:

— Да это мы вместе с братом Баоюем делаем! Он сам нас учит!

Чжу лишь сокрушённо вздохнул. Сяньюнь, не заметив его замешательства, снова отвернулась к больному. А вот Сююй за несколько мгновений сменил несколько выражений лица — от крайнего изумления до неприкрытого гнева. В конце концов он горько усмехнулся:

— Погляжу я на праздную роскошь, в которой нежится Баоюй, и понимаю: неведома ему мудрость древних о том, что «богатство и знатность даются лишь тяжким трудом, а мужу должно прочесть пять возов книг». Видно, книжное учение кажется ему слишком скучным. Да и к чему утруждать себя, если богатство само упало ему в руки прямо с небес?

Чжу попытался заступиться:

— Брат Юй, зачем ты так суров? Баоюй ещё мал. Бабушка и матушка души в нём не чают, а его забота о них — это ведь тоже сыновний долг, который он исполняет за нас, пока мы заняты делами.

— Ошибаешься, Чжу-эр, — покачал головой Сююй. — Я помню тебя в его годы. Ты только и думал что об учёбе, хотя был младше меня. И никогда не прикрывался малолетством! Отчего же теперь ты ищешь оправдания для лени брата?

Чжу промолчал, не находя слов.

— К тому же, — продолжил Сююй, — старший брат заменяет отца. Наставлять младших — твоя святая обязанность. Если брата наказывают родители, значит, ты сам недоглядел, поленился приструнить его. Неужели ты бы потворствовал его глупостям, если бы воспитывал его в строгости? Как можно позволять ему возиться с девичьими притирками и румянами?!

Сююй говорил спокойно, без крика, но каждое его слово больно ранило Чжу, обвиняя его в полном пренебрежении братским долгом. В душе молодого человека поднялась буря противоречивых чувств. Он знал, что Сююй всегда отличался прямоотой и не терпел притворства: если видел несправедливость, то говорил о ней открыто. И сейчас, видя праздность Баоюя, Сююй не желал молчать.

Но ведь все в доме знали о слабостях Баоюя! И кто хоть раз упрекнул его? Эта страсть к румянам у него с рождения, разве излечишь её парой наставлений? Если бы Баоюй мог исправиться от простых упрёков старшего брата, неужели Чжу молчал бы? И если бы Баоюй взялся за ум, разве пришлось бы самому Чжу надрываться за двоих, изнуряя себя учёбой ради чести семьи? Они ведь выросли вместе с Сююем — неужели тот совсем не понимает, в каком положении находится Чжу?

— Значит, брат Юй считает, что во всех проступках Баоюя виноват я? — тихо, с затаённой обидой спросил Чжу.

Слыша, как дрогнул голос друга, Сююй уловил в нём глубокую обиду. Он хотел было смягчить свои слова, но в этот момент к ним подошла Юаньчунь.

— О чём спорят мои братья? — с мягкой улыбкой спросила она. Окинув взглядом разложенную на столе утварь для румян, она непринуждённо продолжила: — Ах, эти притирки! Баоюй приготовил их нарочно для меня, чтобы порадовать старшую сестру. Брат Чжу только недавно сдал экзамены, теперь у него полно забот на службе, откуда ему знать о таких пустяках? К тому же Баоюй обычно занимается со мной. Я видела, что он старается от чистого сердца, вот и не стала ему препятствовать. Так что если брат Линь хочет расспросить об этом, то у брата Чжу он ничего не узнает.

Этими простыми словами умная девушка взяла всю вину на себя, оградив старшего брата от нападок.

Сююй с радостью ухватился за возможность сгладить неловкость. Он почтительно поклонился другу:

— Вот оно что! Прости меня, Чжу-эр, за то, что ввязался не в своё дело и наговорил глупостей. Твой глупый брат Линь искренне раскаивается и молит о прощении!

Чжу не выдержал и рассмеялся:

— Ну полно тебе. Разве я похож на обидчивую девицу, чтобы помнить такие пустяки?

Заметив, что тучи рассеялись, Сююй весело улыбнулся:

— Раз так, то знай — у меня как раз родилось новое стихотворение!

Он потянулся к поясу за веером, но обнаружил, что оставил его в кабинете у Чжу. Пришлось им вдвоём возвращаться обратно. Уходя, Чжу незаметно обернулся и благодарно поклонился Юаньчунь, сложив ладони. Девушка ответила ему едва заметным кивком и изящным поклоном.

Они вернулись в Кабинет Созерцания Луны и Ветра, где на столе действительно лежал забытый веер Сююя. Хозяин веера раскрыл его, выбрал на подставке самую тонкую кисть и, обмакнув её в остатки туши, размашисто начертил на бумаге:

Одежды намочит роса на заре, пока соберут лепестки,

Промоют настой, выжимая лазорево-алый нектар.

Румяна готовит изнеженный юноша ради тоски,

Чтоб дева пред чистым стеклом принимала их в дар.

Положив кисть на подставку, Сююй протянул веер другу, пока тушь ещё не высохла. Чжу пробежал глазами строки. На его лице не отразилось ни единой эмоции, но внутри всё похолодело от стыда за брата. Сююй явно не забудет эту нелепую слабость Баюя к женским притиркам, и смыть это позорное пятно теперь будет невероятно трудно.

«Что ж, Баюй, пеняй на себя, — тоскливо размышлял Чжу. — Если когда-нибудь ты решишь посвататься к сестрице Линь, а её суровый брат выставит тебя за порог, не смей винить меня. Я сделал всё, что было в моих силах. Но яму ты себе выкопал такую глубокую, что теперь ничем не засыпать...»

<http://bllate.org/book/18221/1768163>